

Александр Вебер
(Горбачев-Фонд)

«Если консерватизм подчас проявляется в воинствующих формах, то и радикальному крылу либеральной оппозиции также присущи крайности»

Очень интересная и полезная дискуссия. Хотел бы начать с такой ремарки. Натан Эйдельман – наш известный историк и писатель посвятил одну из своих книг исследованию исторических взглядов Пушкина. Обратив при этом особое внимание на то, какое большое значение Пушкин придавал принципам историзма, необходимости избегать односторонности, как в своих исторических разысканиях, так и в оценке своего времени.

Действительно, насколько уместно говорить о проекте создания «консервативного» человека? У меня вызывает большие сомнения такая постановка вопроса. Консерватизм в бытовом плане (необязательно идеологический) изначально присущ очень многим людям - как стремление сохранить привычные условия жизни, определенные традиции. В нормальных условиях это, пожалуй, то, что присуще большинству. Хотя, конечно, при изменившихся условиях те же самые люди подчас становятся бунтарями, идут на баррикады и т.п.

Как показывают социологические опросы, в шкале ценностей россиян на первом месте стоят такие ценности, как порядок и стабильность. Это, по существу, консервативные ценности, независимо от того, как люди относятся к ценностям вообще. Это было зафиксировано еще до того, как «Единая Россия» и Путин провозгласили приверженность консервативной идеологии. Это нормальная реакция на бедствия, которые российский народ пережил в XX столетии со всеми его потрясениями, да и в 90-е годы. Это нормальная реакция.

Вопрос, следовательно, можно поставить так: что, собственно, первично и что вторично? Выступает ли власть демиургом создания консервативного большинства, консервативного человека, или консервативный настрой в обществе создает запрос на определенный тип власти и политики? Я согласен с

тем мнением, что тут есть запрос. И власть соответствующим образом на него отвечает и, конечно, как уже было сказано, стремится этот ресурс использовать.

Говоря более конкретно, о каком консерватизме идет речь? Когда-то я услышал от Михаила Гефтера такое суждение: есть консерватизм доброкачественный и есть злокачественный. То есть в самом консерватизме надо видеть различия, причем в большом диапазоне. Не только по признаку национальной принадлежности: американский он или европейский, а в самой сути. Его качество может быть очень разным. На одном полюсе – вплоть до реакционности, а на другом – как обычная и нормальная реакция людей на ситуацию.

Поэтому консерватизм неправомерно однозначно представлять как явление злокачественное, как продукт злой воли властей. Думаю, что это большое упрощение. То же касается как представлений о «большинстве», так и представлений о «меньшинстве». На самом деле, я думаю, ситуация не так однозначна.

Настроено ли большинство россиян против Запада? Я обращаюсь к данным Левада-Центра – очень уважаемого мною научного социологического Центра. Я доверяю этим данным. Знаю, что за ними стоит строгая методика проведения опросов. Так вот: в самое последнее время тех, кто считает, что надо дистанцироваться от Запада, действительно стало больше. Согласно апрельским данным - 39%. В 2010-м году было 11%. Это большой скачок. Но все-таки 39% - это не большинство, хотя и значительное меньшинство.

Сторонников укрепления связей с Западом в настоящее время все-таки несколько больше – 41%. Да, раньше сторонников укрепления связей с Западом было гораздо больше - еще в марте этого года - 61%, а год назад – даже более 70%. Снижение в самое последнее время произошло, но все-таки налицо некий баланс, и его нельзя не видеть.

Очевидно, что такой скачкообразный сдвиг – это непосредственная реакция на официальную позицию Соединенных Штатов, Европейского Союза, которую заняли тамошние власти в отношении украинского кризиса, - поддержку ими февральского государственного переворота в Киеве и замалчивание бесчинств со стороны ультраправых националистических сил.

Между тем, в последнее время отношение на Западе к событиям на Украине все больше меняется, становится более критическим в отношении позиции руководителей западных государств. Это констатирует, кстати, «Независимая газета» в сегодняшнем комментарии от редакции. Об этом же свидетельствуют и последние комментарии многих западных политологов и видных политиков.

Есть точка зрения, что мнения россиян по событиям в Украине чуть ли не на 100% навеяны нашей телевизионной пропагандой. (Например, директор Левада-Центра Лев Гудков в интервью «Новой газете» утверждает, что поворот в настроениях россиян в отношении Украины навязан контролируруемыми государством средствами массовой информации, прежде всего телевидением.)

Действительно ли мнение граждан формируется исключительно пропагандой? Думаю, что считать так - значит начисто отрицать способность людей формировать собственное мнение, делать свои выводы из той официальной информации, которую они черпают из телевизионных передач или других источников. Ведь данные того же Левада-Центра указывают на весьма критическое отношение населения и к нашим средствам массовой информации вообще, и к телевидению, к государственным каналам, и к власти.

Согласно одному из прежних опросов, только 29% отвечали, что масс-медиа дают объективную информацию, 52% - что это средства пропаганды. Когда людей спрашивали, насколько независимы наши масс-медиа, 66% говорили: они находятся под контролем власти или бизнеса, или тех и других. Более половины опрошенных говорили: да, телевидение дает все-таки возможность извлекать много полезной информации. Но только 17% готовы были признать информацию объективной.

Правда, я должен оговорить: это данные 2010 года. Изменилось ли телевидение с тех пор? Изменились ли люди за такое короткое время? Я думаю, нет.

Еще в прошлом, 2013-м, году не вполне доверяли телевидению 50% опрошенных и совсем не доверяли 19%. И только 24% доверяли полностью. Но в апреле этого года освещение украинских событий федеральными каналами

сочли объективными до 70% опрошенных. Что же, граждане как-то вдруг совсем утратили какие-то элементы иммунитета по отношению к пропаганде?

Вряд ли это так. Факты о событиях на Украине, особенно то, что люди видят в виде картинок, которые явно не могут быть постановочными сценами, настолько впечатляющи, что телезрители готовы признать и признают их вполне объективной информацией независимо от намерений тех, кто транслирует эти данные или комментирует их. Может быть, тут преследуются и пропагандистские цели. Но все-таки есть вещи, которые говорят сами за себя и которые люди способны оценить.

Еще об одном хотел бы сказать. О нашей либеральной оппозиции, радикальном ее крыле. Если консерватизм многолик, то я думаю, что и либеральные круги тоже достаточно многолики, их позиции неоднозначны. Представители радикального крыла, выступая часто с крайне предвзятых позиций, сами дают повод для неприязни к либералам в широких кругах общественности.

Я думаю, что основной упрек можно сделать такой: свою оценку ситуации в России они очень уж склонны соотносить с неким условным и идеальным Западом, с западной либеральной демократией как идеалом, на который следует ориентироваться. Но ведь и Запад не идеален, и западная демократия не идеальна, ее функционирование не идеально. И особенно в последние годы там происходят подвижки такого свойства, которые вызывают у нормальных людей отторжение.

И последнее. Согласен с тем, что раскола общества в каком-то крайнем его выражении нет. Но есть столкновение двух типов нравственного идеала. Идеала традиционалистского, консервативного в своей основе, и противостоящего ему либерально-модернистского. Оно проходит красной нитью через историю последних веков российской истории. Эту ее сторону обстоятельно исследовал и описал известный историк А.С.Ахиезер в своем фундаментальном труде «Россия: критика исторического опыта».

Если консерватизм подчас проявляется в каких-то действительно воинствующих формах (мы это видим), то и радикальному крылу либеральной оппозиции тоже, мне кажется, присущи определенные крайности. Я имею в

виду ориентацию на Запад как идеал и западную модель либеральной демократии, которая сформировалась в иных исторических условиях. Хорошо бы, конечно, иметь у нас демократию вестминстерского типа. Но что такое Англия и что такое Россия?

России присущи свои, и существенные, особенности, объяснение которым следует искать в тех особых условиях, которые на протяжении столетий определяли формирование российской государственности. Достаточно взглянуть на карту, сравнить географическое положение двух стран - островной Великобритании и континентальной России, растянувшейся на огромном евразийском пространстве от Балтики и Черного моря до Тихого океана. В Англии уже в XVIII веке парламент был главным источником власти, а в России абсолютная монархия сохранялась до 1917-го года. Потом самодержавие рухнуло, но затем воспроизвелось у нас в форме сталинизма.

Мы должны задать самим себе вопрос: почему в России постоянно берет верх тенденция к сверхцентрализации власти? Перед власть имущими, при всех дефектах режима, стоят насущные задачи, от которых они не могут уклониться: как в непростых международных условиях сохранить целостность страны, обеспечить стабильность общества, противостоять центробежным тенденциям.

Особенности российской истории (точнее, истории с географией) не способствовали выработке у нас срединной политической культуры. На Западе давно, на сравнительно ранних этапах развития капитализма, появляются и среднее сословие, и средний класс, который стал основой этой срединной культуры. В России вследствие позднего развития капитализма этого не произошло. И, как уже было сказано, в России до сих пор нет по-настоящему сформировавшегося среднего класса, а только нечто весьма неопределенное и недоразвитое.

В этом, видимо, следует видеть одну из главных причин того, что в постсоветский период у нас так и не удалось создать массовое социал-демократическое движение. Горбачевская перестройка была попыткой привить обществу культуру диалога, культуру компромисса, направить развитие страны в русло социал-демократического проекта. Но эта попытка решающего успеха, к сожалению, не имела.